

Байки под стакан.

Почему байки под стакан? Потому что эти истории, в большинстве случаев рассказывались мной за столом, когда уровень алкоголя в желудке превышал длину языка – причем прямо пропорционально, количеству стопок или стаканов, принятых вовнутрь участниками застолья.*

(*Примечание 2020 года. И в прошлом и в недалеком прошлом, Автор строк не злоупотреблял алкоголем. А в настоящем, уже четвертый год, как Автор отказался от алкоголя полностью, в т.ч. даже от пива.)

Почему мной принято решение обнародовать эти байки? А потому что, как любому графоману, (а втихую, я себя отношу к таким) в т.ч. и мне кажется, что эти маленькие истории могут быть интересными и для окружающих.

Если это не так – бросьте читать эти байки.

Отличительной особенностью всех этих баек – это документальность того, что происходило в этих байках. То есть, я старался излагать только, то, что происходило на самом деле.

Почему байки? Потому что за столом, со стаканом «чая», сложно выполнять научные доклады, читать лекции, а вот изложить маленькую, возможно интересную историю, и изложить её надо коротко и ясно. Иначе с участниками застолья начнутся проблемы. Поэтому надо полутона, какие-то подробности, сопутствующие проблемы опустить, а рассказ должен контрастным, событийным и не нудным, и отражать более выпукло те или иные проблемы, которые актуальны для того времени, о котором идет рассказ.

Считаю, для понимания сути проблемы, эпизода, для оценки тех или иных событий это достаточно полезный прием.

Ну, а поскольку, я достаточно аргументировано обосновал своё дальнейшее повествование, приступим к оному.

Байки из армии.

Замполит

1973 год. Чехословакия, Центральная Группа войск. Город Зволен в центре Словакии. Зенитно-артиллерийский полк, в котором я служу в качестве лейтенанта - двухгодичника, после окончания Ленинградского Горного института. В задачу полка входит прикрытие аэродрома «Три Дуба», на котором базируется полк самолетов МИГ-21. Надеюсь, что рассказывая это, я не раскрыл государственную тайну.

Суббота, парко-хозяйственный день. Это значит, что я как командир второго взвода второй батареи зенитного комплекса С-60, в которой некомплект офицеров, я и 60 солдат и сержантов драим вверенную нам технику..

На территории парка появляется Замполит полка, майор «Моисеев» (хотя я помню настоящую фамилию Замполита), и направляется к расположению второй батареи. Не повезло... Что ж, команду батарею «смирно» и докладываю майору, что в его отсутствие во 2-й батарее ничего страшного не произошло, и процесс парко-хозяйственного дня проходит нормально. Майор командует «вольно», повторяю команду для батареи, и товарищ Моисеев предлагает мне доложить о том, какие проблемы мы решаем.

Докладываю, что мы проводим регламентные работы, предусмотренные технической документацией: выверяем коллиматоры, «выгоняем уровни», то есть выполняем обычный перечень работ по еженедельному обслуживанию вверенной нам техники. Медленно продвигаемся по батарее, подходим к одному из орудий, останавливаемся, и майор спрашивает меня, показывая на солдата, который усердно давил на автомобильный насос, возле одного из четырех колес пушки: «Что колесо спустило?». Я резко почувствовал, что мой словарный запас почему-то иссяк. Дело в том, что колеса наших пушек бескамерные, с каучуковым наполнителем. Очевидно, кто-то из старослужащих солдат – пошутил над

молодым солдатом, и предложил (или заставил) накачать колесо транспортной станины пушки, засунув шланг насоса, в какую-то дырку колесного диска. А поскольку визит майора протекал достаточно быстро, то Автор «издевательства» побоялся отменить свою «шутку» в присутствии Замполита. И далее начались проблемы у меня: сказать Майору (Замполиту!), что это шутка, значило подписать себе минимум упоминание во всех докладах и упоминаниях и выступлениях, на всех совещаниях, в течение нескольких месяцев, о том, что во второй батарее старослужащие солдаты издеваются над молодыми.

Мне то, как двухгодичнику – это не страшно, а вот Комбату это лишние проблемы. Сказать что да, что солдат качает спущенное колесо – значит взять грех на душу, и соврать в присутствии солдат и поддержать их шутку. Я промышал что-то невнятное, и чтобы отвлечь майора от злополучного колеса набросился на другого солдата, инкриминировав ему некачественную работу. Майор, отвлекся, а я с облегчением вздохнул: «пронесло». Мы продолжили путь в сторону третьей батареи, где комбат третьей батареи уже стоял наготове, для встречи Замполита. Батарея «смирно!» проорали мы почти одновременно, и Замполит перешел на территорию третьей батареи. Батарея «вольно!», и я вернулся к своим проблемам. Солдат уже не качал колесо, а я не стал напрягаться по этому поводу.

Вечер, Совещание офицеров полка. Разбор паркового дня. Шестьдесят офицеров полка. С докладом о качестве проведения паркового дня на трибуне Замполит.

- «А во второй батарее, где парко-хозяйственный день проводил командир взвода, лейтенант Морозов, коллиматоры не выверены, уровни не выгнаны, и на всех пушках полуспущенные колеса!»

Дружный грохот смеха, который раздался в этот момент, был классной наградой Замполиту за его трудную работу по оценке качества проведения парко-хозяйственного дня, особенно во второй батарее. Сквозь смех и гам, Командир полка, который сидел рядом с трибуной, пытался объяснить Замполиту, что колеса на пушках резиновые. В дальнейшем мы не видели Замполита на парковых днях.

Генерал.

Второй месяц службы в ЦГВ. Меня назначают в наряд дежурным по части. Вечер, развод караула, ужин, вечерняя поверка, доклады дежурных по батареям об отбое, ночная проверка караула, утро, штаб полка. Дневальный на южных воротах звонит мне, что к воротам штаба подъезжает машина командира дивизии. Спрашиваю у окружающих офицеров о том, что мне делать, Обращаю внимание: все они вдруг заспешили по неотложным делам из штаба, Кто-то на ходу бросает мне «Встречай генерала по уставу». (А это, извините, как?). Принимаю категорическое решение встречать Генерала на улице, перед штабом. Бегу по коридору к входным дверям штаба. Вход – это две пары стеклянных дверей-качалок. Я вбегаю в первую пару дверей, а Генерал с Командиром полка входят во вторую пару дверей. Понимая, что среди хлопающих дверей мне не удастся поставить полк «смирно», а тем более отдать рапорт, разворачиваюсь, и ошалело бегу назад. Естественно, что моя пара дверей пытается ударить Генерала и Полковника. Пробегаю мимо знамени полка, разворачиваюсь и ору «Полк! Смирно!», и докладываю Генералу, что в его отсутствие в полку ничего не случилось!. Генерал командует «Вольно», эхом ору «Полк! Вольно! Сквозь зубы, Генерал шипит мне: «Вы какое училище кончали?». Командир полка, красный как два помидора сразу, докладывает Генералу, не дожидаясь моего ответа – «Он двухгодичник», и обращаясь ко мне, говорит: «В присутствии Командира полка, рапорт Вами не отдается. Устав знать надо!»

После моего «доклада», двухгодичников не ставили в наряд пару месяцев, Правда, эти пару месяцев мы были на сборах в Оломоуце. Но потом, это прошло. Интересно следующее. В те времена в военные вузы шли неохотно и офицеров действительно не хватало. Но сегодня, я знаю, что моего друга Пашу с высшим образованием берут в армию на два года, и в то же время много офицеров, которых увольняют из-за сокращения армии. А Пашу берут в армию, чтобы этот конфликт сделать еще больнее?

Полковник.

Учитывая наш высокий уровень знаний «армейской службы» для всех двухгодичников ЦГВ организовали двухмесячные сборы на военном полигоне близ Оломоуца.

По заявлению Начальника сборов: «Если мы за два месяца научим Вас не прикладывать руку к непокрытой голове, при отдании чести – задача сборов будет выполнена!».

Двести молодых лейтенантов, вчерашних студентов, а впереди два месяца на глухом военном полигоне и главное без личного состава!, Кайф!

И снова меня и Изопескова назначают в наряд дежурными по сборам. Ноябрь. Дежурка. Сижу возле входа, в накинутой на плечи шинели. В руке воздушный пистолет. В углу напротив, в качестве мишени потрепанная книжка, какое-то руководство по эксплуатации чего-то. Женя за столом что-то читает в рукописной тетради. На столе лежит книга детективов с черным силуэтом полицейского на обложке, там же «Спидола», по которой радиостанция «Гвезда» орет попсовую музыку.

Открывается дверь.... И в дежурку влетает разъяренный Полковник. Впервые в жизни Полковника, его не встретили у ворот части, и не доложили, что в части происшествий нет. (Или случилось то-то). На сборах, нет солдат дневальных на воротах, которые предупредили бы нас о появлении начальства. Мы вскакиваем по стойке «смирно». По дороге к стойке «смирно» успеваю засунуть пистолет под матрас кровати. И хотя я в головном уборе, но честь прикладыванием руки к голове не могу отдать – шинель свалится с плеч. Полковник орет, стараясь перекричать «Гвезду», и спрашивает наши фамилии. Докладываем. Бочком, аккуратно продвигаюсь к столу, выключаю приемник. Полковник, выхватывает у Жени тетрадку и пытается её прочитать. Как старший наряда, пытаюсь объяснить Полковнику, что личные записи читать нехорошо. (Я думал, что это какие-то дневниковые записи Жени). Это еще больше распаляет Полковника. Он швыряет тетрадку на пол и хватает книжку детективов. Затем он отстраняет меня от наряда.

Вечер, двести лейтенантов строю. Я перед строем. Монолог Полковника (тоже помню фамилию).

- «В то время как мы готовим мобильные вертолетные группы! У дежурного по сборам буги-вуги (это наверное «Спидола с «Гвездой»), «черный мужик» (это очевидно темный силуэт полицейского на обложке), и половые сношения!»

Женя биолог, и читал соответствующий конспект. Мне объявляется трое суток гауптвахты. Говорю «есть!» И топаю в строй. Эти трое суток я не отсидел.

Полковники.

Каждый день на сборах у нас шесть часов занятий. Конечно, на занятиях все занимаются чем угодно, кроме темы занятий. Мы в актовом зале сборов. Перед нами должен выступить очередной полковник с лекцией об этике. Военный? Этика? Мы готовимся, кто дремать, кто читать. Выходит Полковник, расставляет ноги на ширину плеч, складывает руки за спиной, и двести вчерашних студентов, которые до этого дня в течение пяти/шести лет слушали не самых худших представителей науки, раскрыв рот с огромным удивлением и интересом слушают лекцию от Полковника об этике (!). Нам настолько понравилась лекция, что мы обратились с просьбой к руководству сборов пригласить Полковника (к сожалению, его фамилию не помню) прочесть перед нами еще несколько лекций. И, что самое интересное, нашу просьбу учли и через неделю мы снова с интересом прослушали несколько лекций этого Полковника.

Сложная жизнь двухгодичника.

Чехи и Словаки в честь своих и наших праздников устраивали вечера-встречи, на которые приглашали представителей нашей Армии. У многих офицеров полка были семьи, (а Жены не очень приветствовали такие встречи), проблемы со здоровьем и т.д. И поскольку на подобных встречах употреблялось вино и не только, и в огромных количествах, то прибытие в полк четырех двухгодичников, обладающих хорошими желудками и пока не обременённых семьями, здорово усиливало мощь нашей Армии на подобных встречах. Доходило до анекдота. Замполит нашей батареи, старший лейтенант Терехов шел за меня в

наряд дежурным по части, в обмен на мою поездку на встречу с Чехами. Польза была взаимная, поскольку в наряд по части шел профессиональный военный, а на вечеринку вчерашний студент.

Однажды Чехи пригласили офицера и двух солдат на праздник День освобождения Праги. За мной и двумя солдатами прислали машину. И вот мы в Горкоме партии городка Банска Штявница. По пятьдесят грамм коньяка. Хозяева шутят: до одиннадцати часов мы пьем в Горкоме, а после одиннадцати в «чипке» (их наименование пивнушки). У Чехов тоже действовало правило о запрете продажи спиртных напитков до 11-ти часов.

Далее по программе митинг. Мы на трибуне митинга. Особисты, инструктируя нас в отношении публичных мероприятий, рекомендовали нам с трибун не выступать, в первые ряды не лезть. Поэтому стоим мы с солдатами скромненько в углу трибуны. Играют гимн Чехословакии. Особисты про гимн ничего не говорили. Солдаты смотрят на меня. Становлюсь «смирно», отдаю честь, солдаты поддерживают, После чешского гимна играют наш гимн. С удовлетворением отмечаю правильность своего поступка. Среди участников митинга много чешских военных, и думаю, что если бы на трибуне мы не отдали честь Чешскому гимну, то смогли бы пронаблюдать аналогичное отношение к нашему гимну. Все чешские военные на митинге при звуках нашего гимна, также стояли по стойке «смирно» и отдавали честь.

Граждане и военные: будьте всегда взаимно вежливыми!

Контра.

До конца службы пару месяцев. Мы с Лёней Блиновым, замполитом первой батареи, (профессиональным военным, и который наизусть знал всего Евгения Онегина!) сидим в штабе и болтаем. Заходит старший лейтенант. Мы знаем, что он один из главных особистов ЦГВ. И должность у него полковничья. Старлей рассказывает, что в преддверии 22 июня Чехи организовали ряд встреч, вроде как бы отмечая тем самым нападение фашистской Германии на Советский Союз. Мы с Лёней вспоминаем, что в июне мы, вроде ездили на какую-то встречу с Чехами. Смотрим книгу Приказов. Поездка на такую встречу отдавалась приказом, и поскольку вредность такой встречи для здоровья Участника была очевидна, то на следующий день можно на службу было выходить после обеда. Точно, 21 июня, мы с Лёней были на встрече в Гандловой, на алюминиевом заводе.

Нам стало интересно, и мы стали вспоминать: что же там было? Итак, утро, мы в парадной форме на «Татре-603» прибываем на встречу. Контора завода. Директор угощает клубникой, выращенной, как он утверждает, в его собственном саду. Вопрос Ведущего встречу: «Кто, что будет пить». К первому обратились к Лёне, и он сказал: «коньяк», мне пришлось поддержать его. Все остальные сказали - «сухое».

После того, как в течение часа мы обменивались мнениями и восхищениями о низких ценах на бензин в Советском Союзе (в то время бензин в Чехии стоил в пять раз дороже). Организаторы встречи обратились к нам с просьбой (предложением) выступить с какой-нибудь лекцией перед коллективом предприятия, в кафе. Нас это несколько удивило. Обычно о публичных выступлениях на подобных встречах предупреждают заранее. А тут нам сказали, что нас уже ждут люди.

Ну что ж, лекция так лекция. Декан нашего факультета Братус И.М., очень любил Ленинград и в порядке собственной инициативы, проводил с нами экскурсии по архитектуре Ленинграда. Меня хватило на 25-30 минут рассказа об особенностях Александровской колонны, арки и квадриги Главного штаба, конях Аничковского моста, особенностях моста лейтенанта Шмидта, памятника Петра от Екатерины, и о 20 тыс. дубовых свай Исакиевского Собора.

Лёня рассказал об истории Иркутско-Пинской дивизии. Слушатели, как мне кажется одобрительно отнеслись к нашим стараниям. В Чехословакии практически все люди прекрасно понимали русский язык.

Мы вернулись в кабинет директора. Снова все пьют «сухое» в мы с Лёней «коньяк», через час, после закуски «сухариками» и клубникой, поскольку я был постарше, начал

делать попытки к отправлению нас домой. Смотрю, есть проблема: меня не воспринимают. Да небольшая мелочь: бутылка, которую открыли для нас с Лёней, была литровой. Через полчаса я уже более настойчиво стал поднимать вопрос о нашем отъезде домой. Нет. Чувствую, что пока мы не допьем этот несчастный литр, нас не отпустят. Точно, мы заканчиваем это коньяк и через 10 минут мы в машине и едем назад в часть.

Трудно сказать, какие проблемы планировали «неправильные» организаторы этой встречи. И планировали ли они их вообще, или смысл был в самом факте встречи.

В часть мы вернулись около четырех часов дня. Был выходной и моя батарея играла против батареи Лени в ручной мяч. Пари на поллитра. Естественно вторая батарея наносит поражение первой батарее, и мы с Лёней отправляемся в «чипок», для того, чтобы реализовать поллитра, проигранные Лёней.

Если «контра» рассчитывала на слабость наших желудков, то их происки потерпели поражение. Желудки у бывшего студента Ленинградского Горного Института и бывшего юнкера Алма-Атинского Высшего общевойскового командного училища – понятие растяжимое, но крепкое!

Пистолет.

Мы на стрельбище. Сдаем офицерский минимум. Стрельба из пистолета. Тридцать метров и три выстрела из личного «Макарова». О своих способностях не попадать из пистолета просто в мишень, я уже знал.

Обращаюсь к руководителю стрельбы майору Левину, с просьбой разрешить провести стрельбу со значительно меньшего расстояния, для того, чтобы попытаться определить, почему я так плохо стреляю. В ответ майор презрительно цедит сквозь зубы непечатное «наберут пи**** в армию, а мы должны с ними «еб*****». Нех** жечь патроны». Естественно, я вспылел. Обойма с патронами в руке, выщелкиваю эти три патрона из обоймы и швыряю их в майора, с присказкой в его же стиле. На это мне ответили тремя сутками гаупвахты. Эти трое суток я отсидел под Прагой в Миловицах. Но это отдельная байка.

Кстати, причину моей плохой стрельбы я выяснил через 18 лет после армии, на офицерских сборах в Приозерске. Интересна психология человека. Ведь все инструкторы по стрельбе прямо на огневом рубеже говорили и говорят: «Не зажимайте пистолет в руке. Держите его, но свободно». И вот в Приозерске я это услышал и почти «повесил пистолет в руке». В первой стрельбе 28 из 30, во второй 27 из 30. Будьте внимательны, когда Вас инструктируют!

Учения.

Завтра учения. Кажется «Щит-74». Офицеры знают, что тревога будет завтра утром, без десяти шесть. Тревога!. Из парка батарея выезжает в полном комплекте. Колонна полка топает в район выдвижения, который находится в километрах шестидесяти от нашего расположения. В батарее три офицера из пяти по штату. Комбат в командирском «газике» во главе колонны, я в последней машине «заметаю хвосты». Мы очень точно по времени выходим в район выдвижения. Наша колонна спускается с длинного уклона, и хорошо видно как с противоположного такого же уклона, навстречу нам спускается ракетный дивизион, который по легенде мы и должны прикрывать в районе выдвижения. В долине, на одном и том же перекрестке нам надо поворачивать налево, дивизиону соответственно направо. Вдруг колонна очень резко останавливается. Бегу в голову колонны. Вижу все, что произошло в колонне, Бегу навстречу Комбату. Вместе с Комбатом, развернувшись от головы колонны, бежим снова в хвост колонны. Мне некогда рассказывать Комбату, что произошло в колонне.

А произошло вот что. Из-за резкой остановки колонны водитель одного из «Уралов-375», уклоняясь от столкновения со стволом впереди идущей пушки, попытался свернуть на обочину. Ствол пушки элегантно въехал в лобовое стекло его Урала, естественно его разбив. Непечатные выражения Комбата в адрес Водителя, с упоминанием всех его родственников до 7-го колена, и причитания о том, как Комбату надоело добывать лобовые стекла.

Трогаю Комбата за руку и приглашаю его проследовать дальше. Следующий Урал, избегая столкновения со стволом пушки, уперся в него боковой стойкой кабины. Было разбито не только лобовое стекло, но и погнута стойка кабины и вывернута дверка водителя. У Комбата кроме мата, полетели брызги изо рта. Трогаю Комбата за рукав и приглашаю дальше в хвост. Следующий «Урал» уже не успел ничего сделать. Напарником Водителя этого «Урала» был Старшина срочной службы. От резкого торможения он уронил сигареты на пол и наклонился чтобы их достать. «Поднимаюсь» - говорит Старшина, а не разогнуться, так как ствол пушки уже въехал в кабину и уперся в запаску Урала. На губах Комбата появилась пена. И тут к нам подбегает какой-то Чех и дергает меня за рукав; - «Камрад надпоручик! Камрад надпоручик! (я уже был старшим лейтенантом) . Мое автичко! Мое Автичко!. Не слишком напрягаюсь в отношении дипломатичности моих выражение в отношении проблем Чеха с его автичкой, и попытался ему объяснить, что мои проблемы в некотором роде важнее его лопотания.. Тем не менее, Чех продолжал тащить меня на другую сторону колонны. Мы поддаемся на его уговоры, переходим на другую сторону колонны и видим «Жигуленка» у которого от багажника остались одни воспоминания.

Произошло следующее. Чех на Жигулях обгонял колонну. Комбат, остановившись на перекрестке, для пропуска ракетного дивизиона, остановил всю свою колонну. Чех увидев, что по встрече на него двигаются в колонне ракеты, испугался и резко въехал в колонну. Процедура остановки комбатом колонны и въезд Чеха в колонну совпали, и Урал перед которым Жигуленок вклинился в колонну, не смотря на чудесные тормоза Урала все-таки наехал на багажник левым передним колесом и выкинул «Жигулёнка на встречу. Чеху повезло, что он отделался только багажником. У остальных «Уралов» времени на торможение было еще меньше, так у каждого последующего Урала отнималось время реакции впереди идущего Водителя Урала.

В район выдвигения попало только пол батареи. Три Урала с тремя пушками, были вынуждены вернуться в часть. Предстояло пару недель ремонта. Несмотря на то, что Чех был признан виновным в данном ДТП. Ему все-таки был компенсирован ущерб за счет нашего бюджета.

Страх.

Учения заканчиваются. У меня в «зачачке» патрон от «Макарова». Спускаюсь в ущелье в лес, чтобы выстрелить этот патрон и заодно посмотреть: куда же я «мажу» . Выбираю ель потолще, отхожу метра на три, прицеливаюсь, стреляю. Подхожу к ели – снова промах. Слышу, выше по склону, шум автомобиля. Прячусь за деревом. Не хватало, чтобы кто-то видел, как лейтенант постреливает из «зачаченых боеприпасов». По дороге выше меня метров 100 проезжает ГАЗ=66, снова тихо и вдруг шум сверху со стороны, где проехал «газон» с топотом и треском. Примеряю взглядом стоящее передо мной дерево и понимаю, что для стрельбы, чтобы не промахнуться из пистолета оно хорошее, но слишком толстоватое, чтобы залезть на него... Судорожно пихаю пустой пистолет в карман и... маленькая косуля, делая очередной прыжок приземляется прямо перед моим деревом. И я бы посомневался, кто из нас больше испугался. Но косуля, обнаружив за деревом какого-то «двуногого козла» следующий прыжок сделала на метров 8 по склону. Тоненькие ножки подогнулись, и она, кувыркнувшись, снова стала на ноги и с треском и шумом исчезла в чаще леса. Поняв, что у косули вроде проблем нет, я вспомнил, что можно выдохнуть воздух. Потопал к своей батарее.

Зайцы.

В Чехословакии очень много зайцев и фазанов. На военных полигонах они бегают прямо под ногами. Прапорщик Сугатов, капитан Банин и я везем с учений по маленькому зайчонку. Они показать детям, а я Жене. Мой зайчонок сидит в ящике с капустой, в походной кухне. Домой приезжаем после полуночи. Звонок в квартиру. Заспанная Дорогая бросается на шею. Достая за уши из-за пазухи зайчонка и выпускаю его на пол. Дальнейший, не очень вежливый диалог, со мной Жена проводит стоя на столе. Она в весьма причудливой форме, рассказывает «какой я умный». Убедившись, что зайчонок не собирается её есть, спускается

со стола. Поздний ужин. Сон. Утро. Подъём. Понимаю, что зайчонок не выживет в квартире. С трудом нахожу его в ванной, забившегося за трубы. Беру за уши, и выйдя из дома, выпускаю в лес. Благо деревья за домом. Заяц неспешно попрыгал в высокой траве.

Развод в полку. Спрашиваю про остальных зайцев. У Сугатова зайчонок сбежал, а Банин говорит, что тоже выпустил в квартире, а утром не успел найти. На следующий день Банин доложил, уже десятку заинтересованных в судьбе зайца офицеров, что всей семьей искали и не нашли зайца. Проходит еще один день. Спрашиваем:

- Ну как заяц?
- Нашелся
- Ну и как?
- А ничего, сунули картошку, так с рук стал есть!

В домах, в которых мы жили, первые («приземи») этажи были нежилыми, и там были хозяйственные комнаты для каждой квартиры. Заяца поселили в такой комнате. И теперь не только дети наших офицеров, но и чешские дети регулярно ходили смотреть и кормить настоящего зайца. Мы уезжали в Союз, а заяц на радость детям жил уже почти месяц.

Двадцатикронка.

Когда вернулся в Союз, выгреб из карманов мелочь, то обнаружил что мелочи больше 20 крон. Весьма огорчился. Не потому, что валюту не потратил, а потому что не обменял мелочь на одну бумажную двадцатикронку, кажется 1968 года выпуска. Эта двадцатикронка очень примечательна. Она была выпущена в знак протеста против ввода наших войск в Чехословакию. На этой банкноте было много элементов оформления, которые демонстрировали этот протест.

Например, по полю банкноты вязью расходящимися лучами из одной точки с увеличением размера шла повторяющаяся надпись «SOS», но букв S. Была изображена зеркально самой себе. На одной из сторон банкноты был изображен портрет Яна Гуса. Если перегнуть портрет пополам и перевернуть изображение, то на одной из сторон было изображение портрета студента Яна Палаха, который сжег себя в знак протеста против ввода наших войск, на второй не помню кто.

На банкноте была также изображена процессия с женщиной на белом коне и с повязкой на глазах, а впереди семь монахов, причем возглавляет процессию монах с хоругвью, у которого из-под балахона видны две левых руки.

Символика должна была рассказывать о слепоте Чешской республики (на белом коне), следующей в составе Варшавского блока с Советским Союзом во главе, с очень левым уклоном. Конечно, отношение Чехов и Словаков к нам было разным. Но могу сказать, что у меня есть ряд фотографий памятников на братских могилах наших солдат. На некоторых надписи: «Слава советским воинам, погибшим за свободу и независимость Советского Союза. И иногда, на некоторых памятниках появлялось дополнение: «и за возрождение Чехословакии». Статистики нет.

Полигон.

В полку несколько офицеров, которые принимали участие в арабо-израильской войне в качестве советников у арабов. Опыт этой войны добрался и до нас. В курсе боевых стрельб появилось новое упражнение: стрельба по внезапно появляющемуся вертолету. На стрельбу отводилось 40 сек. Условия следующие: батарея на марше, расчеты на орудиях, обойма со снарядами на лотке. Наблюдатель замечает поднимающийся вертолет (мишень, которая поднималась мачтой на другой стороне ущелья), докладывает командиру взвода. Следуют команды комвзвода: «Машина стой! Расчет к бою» Орудие на грунт! По вертолету! Азимут 270. Дальность 150! Скорость 0! Одиночными! Огонь!». Конечно, все что сказано в командах на открытие огня, уже давно установлено на орудии. И расчет будет слушать только команду «Огонь». Водитель едет на предельно малой скорости. Вертолет должен начать подъем, пока мы находимся в движении. Те, кто командует подъёмом мишени, также ограничены по времени. Полигон в горах, и участок дороги, на котором орудие может вести огонь по мишени, всего метров 50. Поэтому задача водителя остановиться передним

колесом возле той ветки, которую командир взвода установил на тренировках. Домкраты на орудии, которые горизонтируют орудие, уже выставлены, в соответствии с рельефом местности, и с условием что, что переднее колесо Урала остановится в нужном месте. Боевой заезд. Все проходит по утвержденному сценарию. Три снаряда – две дырки в вертолете и мы усталые, но довольные едем в лагерь. Насколько такая боевая подготовка эффективна – сложный вопрос. Но начальство довольноно.

Дверки.

К нам едет московская проверка. Это много генералов и полковников, которые в течение нескольких дней будут проверять уровень боеготовности нашего полка. Конечно будет объявлена «тревога». И естественно, в кратчайшее нормативное время, боеготовый полк в полном составе должен покинуть расположение. Мы в парке боевых машин. Тревога, судя по тому, что мы отрабатываем, будет продемонстрирована в «парадном варианте».

Весь полк построен перед техникой, находящейся в боксах. Командир полка командует «К машинам!». Команду эхом орут комбаты, комвзвода, командиры отделений, командиры расчетов. Строем бежим к машинам, расчеты выстраиваются у задних бортов машин, водитель и старший у дверей машин. Команда «По машинам!» и гомон повтора команды. Расчеты грузятся в кузов, Водитель и Старший в кабины. Но дверки не закрывают. По команде командира полка» - поднятый в правой руке флажок «Внимание!», весь полк должен одновременно хлопнуть дверьми кабин. Команда флажком «Заводи!» и команда «Вперед!». Главными проблемами оказались одновременный хлопок дверьми и что самое главное одновременное начало движения из боксов всего полка. Озабоченный командир полка бегал и кричал, что главное начать движение, а потом черт с вами можете стоять и ремонтироваться. Проверка прошла успешно. Нашему полку было присвоено высокое звание «отличный».

Гимнастика.

Идет проверка спортивной подготовки батареи. Вторая батарея, в которой я имел честь служить, была лучшей в полку. По традиции, спортивную подготовку первыми сдают офицеры. В батарее офицеров: Комбат, замполит и я. Они профессионалы, а я вчерашний студент, который много времени уделял учебе и пиву и мало времени спорту. Батарея знает «мои успехи» в спорте, в т.ч. и в упражнении «подъём переворотом». На вчерашней тренировке я не смог сделать ни одного переворота. Строевым топаю к снаряду. Помню что «подход – отход» к снаряду также оценивается. (Вдруг натяну на тройку). Докладываю. Висну на турнике. Подтягиваюсь и о чудо! Слышу, как батарея облегченно вздыхает. Еще раз! И ещё раз с огромным трудом! Тройка есть! А это главное! Батарею не подвел!

Старший лейтенант Дуб. (Фамилия настоящая).

Полигон в Татрах. Весна. Слякоть. Дождь с мокрым снегом. На огневой позиции взвод ЗСУ-23-4. Это три, так называемых, «шилки». Планируется стрельба «по конусу» с так называемым «зеркальным отворотом». Есть условная вертикальная плоскость, самолет, буксирующий мишень конус на тросу, летит по одну сторону этой плоскости, расчеты стреляющих орудий смотрят и видят цель, как реальную, а стволы установок в соответствии с программным обеспечением и электроникой смотрят в другую сторону зеркальной плоскости. Оценщики стрельбы, тоже смотря в специальные зрительные трубы, в которых траассы снарядов совмещаются с помощью зеркал с буксируемой мишенью.

Как всегда, на командном пункте много «папах». Полковники и генералы обсуждают предстоящую стрельбу. Появился ИЛ-28, который на длинном тросу тащит этот замечательный «конус». Почему «конус»? Не знаю, на «конус» эта мишень не похожа. Кто-то из спецов на командном пункте, комментируя полет самолета сказал: «что-то уж больно близко самолет идет к условной зеркальной плоскости. «Шилки» задергали башнями, и все 12-ть стволов закачавшись, задрались вверх. Мишень подлетела на дальность, с которой

можно открывать огонь. И вдруг одна из крайних «Шилок» взбесилась: стволы бросились вниз, а башня резко повернулась в сторону. Командир этой «Шилки» инстинктивно отреагировал на команду командира взвода «огонь» и нажал спусковой крючок электронного пистолета. Три снаряда калибра 23 мм въехали в соседнюю «шилку», а поскольку командный пункт попал в сектор этой аварийной стрельбы, то все «папахи» на командном улеглись лицом вниз, пуская пузыри в весеннюю грязь. Жить-то хочется!

Причиной происшедшего инцидента была ошибка пилота ИЛ-28, залетевшего близко к «условной «зеркальной плоскости» и недостатки программного, а может быть и достоинство и защита «от дурака» которая попыталась предотвратить опасную стрельбу, поскольку электроникой были получены управляющие сигналы, координаты которых между собой были мало отличимы, между положением стволов, которые должны быть отвернуты в другую сторону от реальных координат летящей мишени, а поскольку они были весьма близки между собой то электроника «взбесилась», а командир «шилки» не успел отменить нажатие спускового крючка. Очевидно, надо в таких случаях блокировать и «пистолет» «шилки».

Итоги: расчет в госпиталь, «шилку» в ремонт, одежду полковников в стирку, летчикам выговоры. Командир взвода и подстреленной «шилки» страшный лейтенант Дуб с гордостью докладывал желающим его слушать, что у него из спины и ниже извлекли 116 осколков. У остальных членов экипажа осколков было значительно меньше.

Вывод: не ходите «по лезвию бритвы», ситуация может «взбеситься».

Капитан.*

*Примечание: дети до 16-лет эту байку читать не должны.

Суд офицерской чести. Мы (то есть, двухгодичники) тоже присутствуем. Виновник «торжества» пытается заявить протест против нашего присутствия. Председательствующий отклоняет протест, поскольку мы хоть и двухгодичники, но все-таки лейтенанты, и относимся к группе младших офицеров и на равных имеем право участвовать в разборе подобных происшествий.

Суть дела. Капитана пригласили в гости в чешскую семью. И Хозяева, и гость хорошо попили, но поссорились и подрались. Хозяин, в знак протеста, был вынужден уйти куда-то, А Капитан остался ночевать с Хозяйкой. Выступающие с трудом, подавляя ухмылки, в отношении пикантности происшедшего, пытаются выяснить: кто все-таки обратился с жалобой на действия капитана: Хозяйка или Хозяин, и далее с гневом, осуждают поступок Капитана и выражают надежду, что Капитан правильно оценит происшедшее и в дальнейшем не допустит подобного поведения.

Мы сидим за последними столами в аудитории и с интересом наблюдаем за происходящим.

На трибуне Капитан. Он осознает, что его поступок неправилен. Он его совершил в состоянии алкогольного опьянения и раскаивается в содеянном, но вдруг с трибуны раздалось:

« А Вы товарищи офицеры! Вы не думаете о том, что и вы виноваты в происшедшем. Вы со мной проводили воспитательную работу? Правильно ли вы меня воспитали?»

Галерка, в составе четырех двухгодичников, грохнула хохотом. Часть офицеров, с недоумением, оглянулась на нас. Они не совсем понимали анекдотичность ситуации, и вполне разделяли с Капитаном понимание собственной ответственности, за не очень достойное поведение Капитана, которому на момент Суда офицерской чести было всего 32 года!

Вывод: процесс воспитания должен происходить до смерти. Причем Граждане! Помните! Если Сосед, пришедший к Вам в гости, остается у Вас ночевать, а вы в знак протеста уходите на работу или погулять, то в происшедшем есть не только Ваша вина, но присутствует и вина соседей по дому, которые не проводили должным образом воспитательную работу с вашим Соседом.

Командир полка.

Подполковник Арефьев жил с нами в одном доме. В доме жили семьи летчиков и техников авиационного полка и три семьи зенитного полка: Командира полка Арефьева, замполита 1-й батареи Блинова, и Автора. После рабочего дня, по дороге домой мы с Лёней проходили мимо трех «чипков» (пивнушек) и не отказывали себе в удовольствии опрокинуть 2- 3 кружки пива. Но, достаточно часто с этими кружками возникали проблемы.

Командира полка доставляли домой на «газике» и проезжая мимо нас, топающих домой, «газик» останавливался, и Командир подвозил нас домой. Наши чуткие и любящие Жены услышав мотор «газика» и хлопанье дверей «газика» радостно обнаруживали, через окна квартир, что наша служба завершена и наш поход по пивнушкам естественным образом отменялся. И в дальнейшем, мы вынуждены были пробраться берегами речки Грон, дабы Командир не подвез к дому. И, тем не менее, нам была приятна позиция Командира по такому простому вопросу.

Ресторан в Зволене..

Мы идем в ресторан в центре города Зволен. У Лёни нет гражданской одежды, и я ему отдаю то, что у меня есть. Мы идем с Жёнами. Столик в ресторане. Официант по- чешски (может по- словацки) интересуется нашими пожеланиями. Две бутылки русской водки и обед. Официант пытается объяснить, что русская водка очень дорого. Мы знаем цены и поэтому настаиваем. Тогда разволнованный официант пытается выяснить, не собираемся ли мы платить чеком. Для нас, заподозренных в том, что у нас могут быть чеки – это был огромный комплимент. Мы с трудом втолковываем официанту, что у таких как мы советских людей чеков не бывает. Обед прошел в теплой и дружеской атмосфере.

Ресторан в Праге.

Скоро на «дембель» и мы с Дорогой, воспользовавшись командировкой в Миловицы, заехали в Прагу, (надо потратить валюту на шмотки) и решили зайти в ресторан в Праге. Я в штатском. Стоим в раздевалке, Лидия Петровна приводит себя в надлежащий вид. Возле нас разговаривает официант с гардеробщиком. Заваливается шумная компания советских туристов, и весело, с гамом проходит в ресторан. Официант - гардеробщику: «Побегу в зал, а то могут быть проблемы с пропажей посуды». Нашего знания чешского было более чем достаточно, чтобы понять, что сказал официант.

Мне, почему-то перехотелось идти в ресторан. А Лидия Петровна, тем более, не возражала: тратить валюту на пиво и вино? Это не правильно.

Проводы Командира.

Нашего Командира полка переводят в Союз. То ли это опала, то ли это повышение мы не знаем. Но мы, двухгодичники провели под командованием Полковника два года. И два года это и наша жизнь и жизнь Командира. Вечер. Полковник наш сосед по дому. Около семи приходит командирский газик. А в полку, в это время, проходит торжественный ужин, по случаю смены руководства полка. Нас двухгодичников, на этот вечер не пригласили. Не знаю, присутствовал ли на этом ужине Командир полка. Но домой, за вещами он приехал один и прилично выпивший. Мы с лейтенантом Блиновым вышли попрощаться с Командиром и увидели, что в машине кроме Солдата-Водителя никого нет. Вопрос к Командиру: «А где провожающие?». Ответа не последовало. Мы спросили разрешения проводить Командира. Он не возражал. Командира полка, сделавшего полк отличным, провожали два лейтенанта, остальным было недосуг. Как же, ведь в такой ситуации надо было продемонстрировать преданность и лояльность новому руководителю, который был эти два года заместителем Командира. Это тот майор, которому я швырял патроны от Макарова и заработал трое суток. Мы проводили Командира на вокзал, попрощались, посадили в поезд. Но нам почему-то было грустно и неприятно.

Охота по-чешски.

Меня неоднократно Чехи приглашали на охоту. Но по разным причинам я так и не побывал на охоте. Поэтому эта байка пересказ и изложение чужих рассказов.

Итак, на субботу назначена охота на зайцев и фазанов. Круг участников определен. Это 10-15 Охотников и столько же Помощников. Помощники - это кандидаты в Охотники, которые в течении двух лет проходят кандидатский стаж, в качестве Загонщиков, участвуют в хозяйственных работах связанных с обеспечением поголовья дичи и т.д. Накануне, в пятницу Егерь, руководитель данной охоты подстреливает, например косулю, и доставляет её в загородный ресторан «Страж над Зволеном». В субботу ранним утром вся Экспедиция легко завтракает в ресторане. Егерь обходит строй Участников и ведет учет в записной книжке количество боеприпасов каждого Участника. Каждый Охотник докладывает, сколько у него патронов, а Егерь записывает «показания» Охотника. Врать не принято. Следует предупреждение Егеря, что промах стоит 10 крон. (1 рубль в ценах 1974 года). Егерь предупреждает также о страшном грехе и о категорическом запрещении стрелять самок фазанов. У петухов фазанов роскошный хвост, но учитывая сколько миллисекунд выделяется Охотнику на принятие решения – это достаточно приличная проблема. Посадка в машину и все едут на место охоты. Егерь расставляет Охотников по номерам, отвозит Загонщиков и далее начинается....

Зайцы бегут десятками, фазаны летят косяками. Я не шучу. С лейтенантом Зварычем мы ехали весной в поезде в Прагу. Снег сошел, зеленые озимые в полный рост. Из окна вагона нам хорошо было видно, как на полях паслись и фазаны и зайцы. Мы решили играть, кто первый увидит живность. При счете порядка 56 на 71 в пользу Зварыча, мы прекратили эту игру. Надоело!

Пальба несется со всех сторон. Окончание охоты. Егерь с Помощниками обходит номера.

- Как успехи?
- Три зайца и четыре фазана!
- А промахов?
- Восемь!

Помощники Егеря оставляют охотнику (на его выбор) одного зайца (!) и одного фазана (!), а остальное забирают. Егерь забирает у Вас 80 крон (ничего мазать!). Эти деньги пойдут на оплату ресторана и спиртного. Так что в меткой стрельбе есть прямая заинтересованность. Далее всех участников везут в ресторан. Ну а дальше, как у нас в России. Понятно, что охота в Чехословакии весьма дорогое занятие. Оружие, боеприпасы, взносы, промахи, кандидатство и т.д.

Справка: Чехословакия экспортировала, в то время, по миллиону зайцев и фазанов в год.

С разрешения Чехов, я иногда играл в большой теннис на горе курорта Сляч Купеле, И как-то, один из партнеров попросил меня: «Скажи солдатам-летчикам, чтобы они не ставили петли на зайцев. У нас, в нашем охотхозяйстве около 200 зайцев, и Ваши Солдаты уменьшают нам нормы отстрела в год»

Об этой просьбе я сказал Командиру полка летчиков.

Огневая позиция.

Мой взвод зенитных пушек АЗП-57 комплекса С-60 на «пупке». Стрельба «по конусу» . ИЛ-28 с «конусом» на тросу на боевом курсе. Ручной Дальномерщик орет дальность до цели в гектометрах. (по 100 м). На огневой куча «папах» и оценщиков стрельбы. По условия стрельбы, мы должны открывать огонь на дальности не более 2 км. За стрельбу раньше 2 км – «неуд» Не дай Бог раньше! Командир полка знает, что на орудиях заранее выставлена дальность в 20 гектометров. А Оценщики своего дальномерщика не имеют. Дальномерщик кричит: «26 гектометров!!!» 24 гектометра!!!» Расчет ведет цель. А первые номера в расчетах это, как правило, сибиряки, которые, как правило, весьма спокойные люди. У Командира полка не выдерживают нервы: «Огонь» кричит он. Дальномерщик: «23 гектометра!!!» Здесь уже благими матами орут Командир полка и Комбат (они учитывают время на реакцию расчета и на выполнение команды: «Огонь!!!» Дальномерщик «22 гектометра!!!» «Огонь!!! Кричу я. И три орудия, по четыре снаряда. 1 секунда и по поднятым вверх большим

пальцам Оценщиков понимаю, что все нормально. Разговаривать и слышать после наших пушек, калибра 57 мм, можно не менее чем через 1,5-2 минуты.

Справка: По уставу, на огневой позиции взвод выполняет команды только командира взвода, и я благодарен своему взводу за проявленную выдержку и спокойствие. Командир полка уже успокоился, приказывает мне построить взвод и объявляет личному составу взвода благодарность за отличную стрельбу. Замполит нашей батареи старший лейтенант Теремов, напоминает Командиру полка, что лейтенант Морозов просил его отпустить на выходные в Высокие Татры, а пока Морозов запланирован на строительство танковой директрисы. «Ладно-, говорит Командир, - на директрису пусть едет Шелковой, а Морозов пусть едет в Татры».

Стреляйте на «отлично» и, на выходные будете ездить в Высокие Татры!

Капонир.

Наша батарея вновь выставлена защищать честь полка на ночных стрельбах из автомата Калашникова. В батарее 70 автоматов. В отличие от стрельбы из пистолета Макарова (см. байку «Пистолет»), с Калашникова я стрелял достаточно хорошо. Комбат в преддверии ночных стрельб приказывает мне провести пристрелку всех автоматов батареи. Старшина выделяет мне «цинки», комбат трех солдат и газик, и мы едем в дальний конец аэродрома, где есть, обвалованные грунтом, капониры. Действуем по инструкции пристрелки автомата. Устанавливаем мишень, не помню, на каком расстоянии. Это прямоугольник с буквой «Т» на все поле мишени. Один солдат снаряжает мне магазины и подает автоматы, я веду стрельбу в положении лёжа, другой солдат с 70-кратной зрительной трубой докладывает результаты моих попаданий, третий солдат бежит и меняет мишени и отмечает дырки

Как и все нормальные люди, я люблю стрелять. И в тот день, я конечно, настроился «досхочу». Представляете, какая интеллигентная стрельба, когда тебе снаряжают, подают, ты лежишь и стреляешь, а тебе докладывают, куда ты попал, и при необходимости ты регулируешь целик или мушку. На 90 % прицелы автоматов были нормальными и после трех выстрелов и попадания в нормативный круг, автомат считался пристрелянным.

Ночные стрельбы.

Темная ночь. Мы на полигоне, готовимся к выполнению стандартного упражнения по стрельбе из автомата Калашников. 10 патронов, стрельба только очередями (это не менее двух выстрелов в очереди, допускается один одиночный), три мишени, которые поднимаются на определенное время и мигают лампочками, имитируя стрельбу в мою сторону. По минимуму, для выполнения упражнения, достаточно 5 патронов.

Для ночных стрельб автоматы снаряжаются ночными прицелами. Это фосфоресцирующие светящиеся кружочки, которые одеваются на мушку и целик. Батарея в основном стреляет хорошо и отлично, но есть несколько солдат, которые не попадают в мишени.

Список на стрельбу формирует Замполит. Прошу Теремова поставить меня в паре с Шакиевым. Это солдат из Азербайджана, который скажем так, не очень хорошо попадает в мишени.

Огневой рубеж. По громкоговорящей: «На огневой рубеж вызываются лейтенант Морозов и рядовой Шакиев. Я быстро справляюсь со своими мишенями, и поворачиваю голову в сторону стрельбы Шакиева. Там не все хорошо. Уже не помню, две или одну мишень, но я сбиваю мишени Шакиева, со своего огневого рубежа.

Уходим с огневого, а по громкоговорящей: «Лейтенант Морозов! Пройдите на Командный пункт!».

На КП Полковник - проверяющий строго спрашивает: «Товарищ лейтенант! Вы, почему вели огонь по соседним мишеням?»

- «Ничего я не вел! У меня затекла нога и, повернувшись, я случайно дал очередь в сторону мишеней!».

«Байки под стакан».
Чехословакия, 1972-74
Морозов В.С.

«Моя случайность» вытянула отметку Шакиеву, уже не помню до какого уровня, но в целом, батарея получила за ночную стрельбу из автомата оценку «отлично».

А проблему создал наш старательный и строгий Старшина. Предполагая, в будущем, гипотетическую возможность ночных стрельб, в которых обязательным условием было выполнение требования о том, что каждый третий патрон должен быть трассирующим, Старшина доэкономился до того, что в батарее остались только трассирующие патроны. Поэтому Проверяющий на КП Полковник без проблем видел, куда и сколько стрелял лейтенант Морозов. Но, Полковник не стал напрягаться, сделал мне замечание, но дальше проблему не стал развивать.

С уважением Морозов В.С.

Моб. +7-911-971-27-52

E-mail: morozovvist@mail.ru